

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ЗАДАЧА НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ*

Вал. А. Луков

Московский гуманитарный университет, Москва

Complex Research of Human as Humanitarian and Social Science Object

Val. A. Lukov

Moscow Humanitarian University, Moscow

В статье рассматриваются подходы к организации гуманитарного знания, позволяющей обеспечивать комплексное изучение человека в условиях становления информационного общества.

Approaches to humanitarian knowledge organization, which could provide complex human study in information society foundation conditions are considered in the article.

Комплексное изучение человека как задача наук о человеке и обществе в концептуальном ключе утвердилось во второй половине XX века, когда стало ясно, что четкое сегментирование гуманитарных наук есть лишь этап в их становлении, а достоинства работы в четко очерченных рамках наук, разделенных по объекту, предмету и методу, оказываются сомнительными, как только приходится иметь дело с такими комплексными по природе своей объектами, как человек и человеческое общество. Из этого исторического обстоятельства, правда, не следует, что за последние 30—40 лет комплексное изучение человека утвердилось как базовая, генеральная научная программа, отесняющая дифференцированные исследования человека на второй план. В известном смысле комплексность больше декларируется, чем реализуется как эвристически ценная идея, исключений из этого не так и много [1, 2]. Причем и в отношении исключений есть основания говорить, что они сильны скорее в концептуальном ключе и реализуются в философском дискурсе намного активнее, чем в дискурсе собственно научном.

Не обязательно такого рода явления следует рассматривать как слабость ученых или науки на современном этапе. Вполне вероятно, что комплексность в изучении человека вызревает в преодолении постмодернистского методологического коллажа как интеллектуального отражения переходной эпохи со свойственной ей аномией и в сфере ценностных императивов, и в сфере мировоззренческих устоев гуманитарного знания. По мере становления новой эпохи стабильности, даже если сегодня не кажется, что такое возможно, комплексность в изучении человека заметно укрепится.

Но дело не только в чередовании стабильных и нестабильных (переходных) эпох. К комплексным исследованиям человека подталкивают научное сообщество и новые обстоятельства человеческой жизни, которые раньше, может быть, и присутствовали в той или иной мере, но не были и не могли быть массовыми, не касались перспектив человечества. Эти обстоятельства сегодня вызывают и надежды, и опасения, они означают одновременно, что науки о человеке и обществе оказались перед вызовом, который преодолеть они смогут, значительно перестроившись и отказавшись от многих усвоенных из прошлой практики схем исследования и интерпретации действительности. Обратимся к этим новым обстоятельствам.

Начало нового тысячелетия человечество встречает в условиях такого научно-технического и технологического прогресса, который простирается далеко за пределы самых дерзких мечтаний прошлых эпох. Скорость, с какой происходят перемены, нередко кардинальные, в вещном мире людей, в обустройстве и переустройстве их быта и особенно коммуникационных возможностей, сопоставима уже не с жизнью поколения, а с фазами жизни индивида. Причем такие изменения захватывают не локальные территории, а весь мир. Например, потребовалось всего 10 лет для того, чтобы компакт диск (CD) вытеснил другие форматы записи и воспроизведения звука, но спустя 20 лет после своего изобретения он уже на грани вытеснения более удобным для практических нужд форматом MP3. Это, конечно, частность, но затрагивающая сотни миллионов людей в самом близком для них круге жизнедеятельности — в сфере повседневности.

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 09-03-00798в/3).

Происходит кардинальная смена корпуса знаний, необходимых специалисту высокой квалификации. Базовые знания в ряде специальностей меняются быстрее, чем студент успевает получить образование в вузе. Однако новый век ставит проблему высшего образования шире и фундаментальнее, чем синхронизация скорости обновления образовательных вузовских программ со скоростью обновления специального знания. Новые вызовы бросает высшему образованию уже переходящая в стадию реализации возможность изменения природных свойств человека.

Технологии «улучшения» человеческой природы — это, пожалуй, самый дерзкий вызов человеку, брошенный им самим. Теоретически, а можно сказать — идеологически эти технологии обосновываются в рамках трансгуманизма, сторонники которого утверждают: «Следующие 50 лет искусственный интеллект, нанотехнологии, генетическая инженерия и когнитология позволят людям забыть об ограниченности человеческого тела. Средняя продолжительность жизни приблизится к столетию. Возможности наших органов чувств и познавательной деятельности будут увеличены. Мы будем обладать более развитыми способностями контроля над нашими чувствами и памятью. Наши тела и мозг будут окружены и поглощены компьютерной энергией. Мы будем использовать эти технологии для воспроизведения себя и себе подобных, что расширит границы возможностей человека» [3].

Трансгуманизм не только чисто ментальное явление. Действует, в частности, Институт этики и новых технологий (IEET) [4], в 2002 г. принята Трансгуманистическая декларация (The Transhumanist Declaration). Трансгуманизм, по определению его сторонников, представляет собой радикально новый подход к размышлениям о будущем, основанный на предположении, что человеческий вид не является концом нашей эволюции, но скорее, ее началом. «Мы строго определим это понятие как: (1) Изучение результатов, перспектив и потенциальных опасностей использования науки, технологий, творчества и других способов преодоления фундаментальных пределов человеческих возможностей. (2) Рациональное и культурное движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека. Трансгуманизм можно описать как продолжение гуманизма, от которого он частично и происходит. Гуманисты верят, суть людей в том, что лишь отдельные личности имеют значение. Мы можем не быть идеальными, но мы можем улучшить положение вещей и содействовать рациональному мышлению, свободе, терпимости и демократии. Трансгуманисты согласны с этим, но они также придают особую важность тому, кем мы потенциально можем стать. Мы не только можем использовать разумные способы улучшения положения человека и окружающего мира; мы так-

же можем использовать их, чтобы улучшить себя, человеческий организм. И доступные нам методы не ограничены теми, которые обычно предлагает гуманизм, такими как образование. Мы можем использовать технологические способы, которые в итоге позволят нам выйти за пределы того, что большинство считает человеческим» [4].

На этой основе строится новая концепция эволюции человека. Переходным типом объявляется трансчеловек, впервые детально описанный пионером радикального футуризма FM-2030 (Fereidoun M. Esfandiary). Он называет такие признаки трансчеловечности, как улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределенная индивидуальность. По определению из «Словаря трансгуманистической терминологии», трансчеловек — это некто, активно готовящийся стать постчеловеком. Постчеловек (posthuman) — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Идеал постчеловека выглядит, в описании трансгуманистов так: «В качестве постчеловека вы будете обладать умственными и физическими возможностями, далеко превосходящими возможности любого немодифицированного человека. Вы будете умнее, чем любой человек-гений, и будете обладать намного более совершенной памятью. Ваше тело не будет подвержено заболеваниям и оно не будет разрушаться с возрастом, что обеспечит вам неограниченную молодость и энергию. Вы сможете получить гораздо большие способности испытывать эмоции, удовольствие и любовь или восхищаться красотой. Вам не придется испытывать усталость или скуку и раздражаться по мелочам». В итоге «постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или трансчеловека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни» [4].

Идеи трансгуманизма лишь по видимости утопичны, их реализация в той или иной степени началась, и в этом немалые надежды возлагаются на систему образования, построенного на иных основаниях, нежели это предопределено государственными образовательными стандартами и обычной практикой образовательных учреждений. Хотя это зона экспериментов, которые не предназначены для массового воспроизводства и направлены на закрепление социальных барьеров между элитой и остальными людьми, она рано или поздно проявит себя и в более широких контекстах.

Этот фактор важно принять во внимание в общественном дискурсе о содержании и смысле высшего об-

разования как сегодня, так и в будущем. Из скорости смены базовой информации и технологий следует, что проблема изменения природы человека станет существенной в масштабах всего человечества уже через 20—25 лет. Как на этом фоне должно меняться высшее образование, особенно в гуманитарной сфере, где, с одной стороны, новые возможности человека особенно значимы, а, с другой, образовательные программы наиболее консервативны и наиболее последовательно выражают функцию культуры как поддержание образца (по Т. Парсонсу)?

Вполне вероятно, что при таких изменениях гуманитарное научное знание все в большей мере станет строиться как ценностно-ориентированное. Тезаурусные различия в «картинах мира» потеснят институциональное стремление к универсализации «культурного человека». Наиболее существенно то, что роль субъектности (не субъективности) в формировании научной концепции в сфере гуманитарного знания будет возрастать, и к такой перспективе следует говорить как соответствующей вызовам времени.

Это осознается в научном сообществе. Одним из свидетельств этого становится поддержка идей субъектной организации гуманитарного знания, которая в разной форме представлена в трудах И. Гофмана, П. Бергера и Т. Лукмана, П. Бурдьё и др. В российской науке все больше сторонников приобретает теоретико-методологический тезаурусный подход [5].

Тезаурус в контексте этого подхода определяется как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъектно организованное гуманитарное знание.

Основной смысл тезауруса состоит в обеспечении взаимодействия и взаимосодействия субъекта и окружающей среды. Это своего рода вестибулярный аппарат, поддерживающий равновесие, но на социальном уровне жизнедеятельности человека и человеческих общностей разного масштаба. Когда мы говорим о тезаурусе как полном систематическом знании, то и имеем в виду прежде всего то, что по своему происхождению всякое знание обладает ориентационным назначением и только по мере развития человека и общества, нарастания социальных связей, разделения труда и других процессов усложнения социальной и культурной жизни это назначение перестало быть повсеместно заметным на поверхности, приобрело некоторую автономию от субъекта и его задачи биологического выживания, наконец, обрело характер отчуждения, которое, как известно, имеет и аспект враждебности человеку.

Мы характеризуем тезаурус как ориентационный комплекс, учитывая, что знания в нем отличаются от информационных импульсов из внешней среды: они,

во-первых, переструктурированы в рамках тезауруса так, чтобы наилучшим образом выполнять ориентационные функции в интересах субъекта (это переструктурирование идет по основанию «свой-чужой-чуждый»), во-вторых, они приобретают свое свойство ориентировать субъекта в его ближнем и дальнем окружении в соединении с пониманием и умением как фундаментальными свойствами человеческого поведения.

Для тезаурусного подхода сплав знания-понимания-умения — вовсе не отдаленное будущее, а вполне естественное настоящее. Собственно, этот сплав и составляет то, что обозначается нами как комплекс (ориентационный комплекс). Понимание — это специфическое состояние знания, освоенного субъектом, умение — это знание, реализованное в действии субъекта.

Знание как тезаурус обладает особенностями своего состава и строения, которые проявляются на контрасте с составом и строением научного знания. Без всяких сомнений, научное знание присутствует в тезаурусе и выполняет ориентирующую функцию в повседневной жизни людей. Но здесь нельзя не учитывать трех обстоятельств. Первое состоит в том, что научное знание в повседневности чаще всего не нужно во всем своем объеме, и действуют скорее знаки такого знания, чем оно само. Второе обстоятельство — готовность субъекта (в данном случае индивида) мыслить в формах научного знания. Здесь на первый план выдвигается полученное им образование. При всей широте распространения высшего образования в мире это явление не всеобщее. Напротив, задача ориентации в повседневном мире обладает признаком всеобщности. Немаловажно и третье обстоятельство — несовпадение предмета наук с областью повседневности.

Каким же видится знание, если его представить сквозь призму повседневности? По крайней мере, три характеристики отличают его от научного знания.

Первая может быть обозначена при помощи удачного и уже упоминавшегося выражения Мишеля Фуко — общность рассеянных событий. Иными словами, обыденное сознание обеспечивает некоторую связь между фрагментами, которые составляют не аналитически выделенные элементы, а целостности. Как фрагменты (рассеянные события), так и их связь (общность) достаточно размыты, пока не возникает актуальная ситуация включения знания о них в то или иное действие.

Вторая состоит в том, что мир, в котором субъект живет и действует, становится объектом не столько изучения и интеллектуальной интерпретации, сколько переживания как поля своих возможностей и рисков, что совершенно меняет и характер, и группировку знания. Характеризуя повседневное знание А. Шюца прозорливо замечал, что организация знания в этом случае происходит по другому принципу, нежели это действует в науке: субъект группирует мир, помещая себя в его центр и дифференцирует знание на основе того, насколько оно важно ему для достижения определенных

целей. В итоге знание человека, действующего и думающего в мире своей повседневной жизни, не гомогенно, оно несвязно, обладает лишь частичной ясностью и вообще не свободно от противоречий [6].

Третья характерная черта знания, применяемого в повседневности субъектом, — сочетание знаниевых фрагментов разной природы. Научная картина мира в этом случае вполне и нередко сочетается здесь с религиозной картиной мира, с мистическим знанием и т. п. без всяких переходов и специальных объяснительных схем. По сути здесь действует общность науки, религии, искусства и других резервуаров, если так можно выразиться, человеческого знания-понимания-умения как символических систем. Для тезаурусного подхода в этом ракурсе методологическую тропу прокладывает Э. Кассирер, концептуализирующий человека в формуле «символическое животное» (*animal symbolicum*). По Кассиреру, человек «сумел открыть новый способ приспособления к окружению. У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой... Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека. Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он

живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез» [7]. Общность различных форм гуманитарного знания (как научного, так и ненаучного) в их обеспечении человеческого опыта, отнесение при несовпадении способов познания и представления мира к символическому универсуму и позволяет сочетать в актуальной ситуации знаниевые фрагменты разной природы.

Собственно, проблема тезаурусного анализа состоит в том, чтобы не утратить специфику знания, обеспечивающего ориентацию человека в повседневности, не подменить ее формами научного знания. Вот почему при рассмотрении тезаурусов несколько иначе стоит вопрос и об элементах, и о структурах такого рода знания: те и другие обладают заметной спецификой.

С учетом сказанного может обсуждаться вопрос о перспективности применения тезаурусного подхода к изучению человека, когда комплексность такого изучения рассматривается в качестве актуальной познавательной задачи. вполне вероятно, что комплексность недостижима в границах гуманитаристики, дифференцированной по объекту, предмету и методу, и нужно пересечение границ между науками не только на отдельных участках, но и в отношении общего разворота комплексных исследований в иную сторону. Направление такого поворота подсказывает общий принцип обращения к повседневности человеческой жизни как существенного для науки о человеке и обществе. В этом ключе оказывается возможным и изучение таких феноменов — пока скорее интеллектуальных, но уже находящихся на грани практических действий, как постчеловек и общество постлюдей.

Литература

1. Борзенков В. Г., Гранин Ю. Д., Юдин Б. Г. К «центру человеческой души»: В поисках методол. основ комплексн. изучения человека // Свободная мысль. 1997. №12. 33—43.
2. Борзенков В. Г., Юдин Б. Г. Человек как объект комплексного, междисциплинарного исследования: методологические аспекты // Личность. Культура. Общество. 2002. IV. 3—4 (13—14). 10—36.
3. Общие вопросы о трансгуманизме // <http://www.eternalmind.ru/content/view/67/57/>
4. Why Can't We All Be Better Than Well? // <http://www.ieet.org/index.php/IEET/mission>.
5. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Гуманитарное знание: тезаурусный подход // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2006. № 1. 69—74.
6. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: Пер. с нем. и англ. М., 2004. 534—536.
7. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: Сб. переводов / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М., 1988. 28—29.